

**НЕМЕЦКИЙ «ОСТФОРШУНГ» В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКИХ
И СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА**

С. Г. Алленов

Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина

В. А. Алленова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 21 июня 2018 г.

Аннотация: *статья посвящена оценке немецких исследований истории России и СССР российскими и советскими историками с начала XX в. до прихода Гитлера к власти в 1933 г. Авторы приходят к выводу об активном диалоге представителей исторической науки России и Германии, несмотря на драматичные повороты в отношениях этих стран.*

Ключевые слова: *остфоршунг, исторические исследования, Россия, Германия, историки, историография, рецензии.*

Abstract: *the Article is devoted to the analysis of German studies in the history of Russia and the Soviet Union by Russian and Soviet historians since the early twentieth century before Hitler came to power in 1933. The Authors come to the conclusion that there was the active dialogue between the representatives of the historical science of Russia and Germany, despite the dramatic turns in the relations of these countries.*

Key words: *Ostforschung, research, Russia, Germany, historians, historiography, reviews.*

История российско-германских отношений первой трети XX в. изобилует драматичными поворотами от активного взаимодействия до военного противостояния и вновь возвращения к двусторонним контактам и партнерству. Подобная траектория взаимоотношений двух стран представляется не случайной – несмотря на резкое охлаждение отношений и кровопролитную войну, слишком очевидным было определенное сходство векторов их развития. Как для России, так и для Германии начало столетия было ознаменовано радикальными переменами – крахом империй, революциями и последующими тяжелыми испытаниями. Переживаемое время кардинальных изменений, резкого поворота исторической судьбы обеих стран не могло не вызвать в них обостренного интереса друг к другу, и нельзя сказать, что этот интерес был сугубо недоброжелательным. Пожалуй, ни одна страна в мире не вызвала в России столь пристального к себе внимания, как Германия, служившая для нее олицетворением «Запада», средоточием его пороков и достоинств. Немецкий образ России также был противоречив и включал в себя представления как о ее пресловутом азиатском «варварстве», так и о некоей спасительной для Запада восточной духовности. Так или иначе, заметное место в российско-немецком диалоге занимали исторические реалии, а

историкам в нем принадлежало далеко не последнее слово.

Начало современной немецкой историографии истории России («остфоршунг») принято связывать с основанием Теодором Шиманом в 1902 г. семинара по изучению восточноевропейской истории при Берлинском университете.

В тот момент и в последующие времена представители «остфоршунга» принадлежали к различным научным школам и придерживались разных политических взглядов. Конечно, среди них были не только друзья, но и недруги России, а их творчество было отмечено как взлетами, так и неудачами. И все же с трудом верится в то, что труд сотен ученых, занятых на не самом престижном участке немецких исторических исследований, может быть предан забвению в стране, изучению которой многие из них посвятили всю свою жизнь. Это было бы тем более обидно ввиду того, что в свое время работы немецких коллег не оставались без отклика российских и советских историков, и эта реакция сама по себе представляется любопытной и поучительной.

В начале столетия ознакомление российских историков и широких читательских кругов с немецкими исследованиями истории России происходило, в основном, благодаря посредничеству историко-литературных и ведомственных журналов. Наибольшее число откликов на этот счет содержали обозрения

литературы, которые помещались в изданиях подобного рода в качестве постоянной рубрики. Несмотря на то что эти отклики принадлежали жанру исторической библиографии, они нередко имели не только констатирующий, но и оценочный характер, что вполне позволяет относить их к фактам истории исторической науки. В них можно найти информацию и о значительных трудах таких признанных авторитетов, как Л. К. Гетц или Т. Шиман, и о локальных изысканиях менее известных авторов. Тогда, как, впрочем, и в дальнейшем, эти работы, подобно книгам Г. Михова и Ф. Дукмейера, удостоивались внимания рецензентов прежде всего в связи с вводимыми в них в научный оборот новыми источниками по русской истории [1; 2].

Немецкая историография российской истории находила отклик в России также в рецензиях на важнейшие труды ее представителей, прежде всего, на «Историю России» Шимана [3]. Согласно старой традиции эти рецензии могли быть весьма объемистыми и издаваться в виде отдельных брошюр. Особенно пристальный интерес рецензентов, в числе которых были такие известные ученые, как М. Ф. Владимирский-Буданов, М. А. Дьяконов, А. Е. Пресняков, А. В. Флоровский, А. Н. Филиппов и другие, вызвала работа Гетца о древнерусском праве [4–7]. Несмотря на то что их отзывы имели порой критический характер, а замечания являлись отчасти (как замечал современный исследователь Г. Фогт) плодом простых недоразумений [8, S. 140], можно утверждать, что вклад Гетца в исследование российских древностей нашел в то время в нашей стране заслуженное признание. Это был, пожалуй, единственный за весь XX в. случай столь широкого чествования российскими учеными иностранного коллеги за его «пионерские достижения» на поприще изучения отечественной истории [Ibid.]. Незадолго до начала Первой мировой войны Гетц – единственный из всех немецких историков-русистов – был удостоен академических почестей сразу несколькими научными учреждениями России.

Также в других случаях отдельные критические замечания о немецких изысканиях в области русской истории, касавшиеся, например, произвольного выбора их тем или источников, не исключали в целом благосклонных оценок [9–11]. Даже В. Мочульский, утверждавший в своей рецензии на работу Р. Нахтигала, что «понесенный автором труд не отвечает тем незначительным результатам, которых он достиг», счел нужным заметить, что эта работа «не лишена значения» [11, с. 222]. Вообще, утверждения о том, что немецкие труды по истории России представляют «несомненный интерес» и «безусловную ценность», стали в первые годы XX в. едва ли не обязательным атрибутом русских откликов. Гораздо менее формаль-

ным был тот пиетет, с которым дореволюционные авторы вновь и вновь писали о библиографическом усердии немецких коллег и их прекрасном знании соответствующей российской литературы.

Можно заметить, что русские рецензенты, освещавшие научные успехи немецких историков, не упускали повода отметить убежденность некоторых из них в необходимости партнерства России и Германии. Но, к сожалению, в преддверии Первой мировой войны им чаще приходилось констатировать рост агрессивных настроений в немецком «историческом цехе» [12–14]. Русская участница IV Международного конгресса историков (Лондон, 1913 г.) Н. Любименко позднее писала, что немецкая делегация была здесь особенно деятельной и «шумной», а ее члены вели себя вызывающе и с подчеркнутым шовинизмом. Правда, она тут же признавала, что следующий конгресс, состоявшийся уже после войны, протекал без участия немцев хотя и спокойнее, но... скучнее [15, с. 219].

Когда война, наконец, разразилась, критика немецкого экспансионизма была воспринята российскими историками как их важнейший профессиональный и патриотический долг [16, с. 342; 17; 18]. Известно, что Тарле намеревался заняться критическим разбором и других немецких исследований актуальных вопросов внешней политики, в том числе книг Хэтча «Russland (1904–1912)» и Флигеншмидта «Deutschlands Orient-Politik in Jahren 1870–1880» [19, с. 199, 204]. Однако заявленные им рецензии в печати так и не появились.

Вместе с тем научные споры историков двух стран приобрели, как показывает дискуссия П. П. Митрофанова и Г. Дельбрюка, ярко выраженный пропагандистский характер [20]. Уже тогда особенно болезненную реакцию в России вызывали немецкие попытки интерпретации ее прошлого в свете расовой доктрины. Однако эта реакция могла принимать различные формы. Так, с одной стороны, А. Крыжановский указывал в духе той же доктрины на неизменные различия человеческих рас с тем, чтобы лишний раз подчеркнуть врожденную агрессивность германцев и исконное миролюбие славян [21]. С другой стороны, Н. Дебельский противопоставлял агрессивной и «бредовой» теории расизма свой тезис о культурно-исторической природе наций и о «мирном сожитии народов» как «торжестве начала национального» [22]. Однако и в этом случае автор не ставил под сомнение право России на обладание Константинополем, который с «культурно-исторической» точки зрения на тот момент якобы не принадлежал ни одной из наций.

Полемика подобного рода практически не оставляла места на страницах российских изданий не только собственно научным дискуссиям, но и про-

стым сообщениям о действительно серьезных новинках немецких исследований истории России. Помещавшаяся здесь в годы войны информация о работах иностранных коллег скорее свидетельствовала о «боевом содружестве» историков из стран Антанты. В своем противоборстве с воинственной немецкой историографией российские историки нередко черпали вдохновение из ее критических обзоров, появлявшихся в английской и французской периодике [23; 24]. Публикации союзников отчасти помогали компенсировать недостаток собственной информации о состоянии дел в историческом цехе Германии. Однако сведения, почерпнутые из вторых рук, порой вели к недоразумениям. Так, одна и та же статья Дельбрюка могла служить как доказательством его безудержной агрессивности, так и образцом трезвого подхода к немецко-российским отношениям [21, с. 41; 25]. При этом русские авторы воспроизвели и некоторые тезисы союзников, в том числе попытку объяснить патриотический пыл немецкой профессуры ее особым правовым статусом, требующим сугубого послушания по отношению к авторитарному государству [24; 25].

Впрочем, русофобия, часто выступавшая оборотной стороной немецкого патриотизма, могла провоцировать российских историков и на более жесткие оценки вплоть до отрицания научного характера немецкой историографии и объявления ее представителей – не исключая Шимана – «мнимыми профессионалами» и «псевдоисториками» [24, с. 261]. Отчуждение, которое внесла в отношения русских и немецких историков Первая мировая война, на некоторое время еще больше усилилось вследствие Октябрьской революции и временной изоляции Советского государства от западного мира. Но практически одновременно с окончанием внутренней смуты и иностранной интервенции в России вновь проснулся интерес к немецким исследованиям ее истории. Так, в 1921 г. Е. В. Тарле опубликовал некролог о Шимане [26]. Исключительно корректный анализ научных и политических взглядов немецкого ученого, содержащийся в этой двадцатистраничной публикации, спустя три года был дополнен не менее обстоятельной рецензией Ю. В. Готье на его четвертый том «Истории России» [27]. Даже критикуя немецкого коллегу за то непропорционально большое внимание, которое он уделял приватной жизни и «личной политике» Николая I, оба автора сходились во мнении, что он все же неплохо справился с поставленной им задачей. Они были также едины в том, что всесторонний, в том числе социально-экономический, анализ николаевской эпохи, является преимущественной задачей будущих поколений самих российских историков [26, с. 190; 27, с. 266].

Подписание Рапалльского договора в 1922 г. способствовало возобновлению диалога российских и

немецких историков. Более того, в середине 1920-х гг. их связи приобрели в определенном смысле «образцовый характер», особенно заметный на фоне той прохлады, которая продолжала царить в отношениях с немцами английских и французских коллег. Проведение рапалльской политики предоставило ученым Советской России и Германии обоюдную возможность зарубежных командировок для работы в архивах и библиотеках, книжного обмена, личных контактов и даже – как в случае с М. В. Алпатовым и О. Вульфом – совместных публикаций [28].

Ни материальная нужда, царившая в обеих странах, ни уже начавшаяся борьба молодой советской историографии с западными «фальсификаторами истории» не создавали поначалу серьезных преград развитию советско-немецкого партнерства в области исторических наук. В условиях послевоенной разрухи, в полной мере ощущавшейся научными кадрами в Советском государстве, историческая периодика в сочувственных тонах сообщала о катастрофическом материальном положении немецкой науки и о помощи, которую ей оказывало международное научное сообщество. При этом особо подчеркивалось то завидное обстоятельство, что даже в самые тяжелые времена в Германии не было ни закрытий университетов и отдельных кафедр, ни даже сокращения научного и учебного персонала [29; 30]. Собственно немецкий опыт общественной поддержки своей науки также вызывал в нашей стране интерес и участие [31–33].

В отличие от отечественных «белогвардейцев» вроде Н. А. Бердяева или П. Н. Миллюкова, немецкие авторы, такие как Л. Гетц или Ф. Браун, тогда еще находили признание в стране Советов [34]. Причем отторжения с советской стороны не вызывали даже те немецкие работы, которые посвящались политически жгучим и чреватым острыми идеологическими разногласиями темам российской истории [35–37]. Так, в своих рецензиях на книгу Шимана о вызревании российской революции Н. С. Измайлова указывала на солидную источниковую базу этого исследования, а В. Хвостов – на верное отражение агрессивных приготовлений держав Антанты накануне Первой мировой войны.

Более того, большинство советских хвалебных отзывов о немецких буржуазных историках диктовалось в годы нэпа именно политическими соображениями. В этих отзывах звучало стремление отметить не столько научные заслуги партнеров, сколько их вклад в проведение официальных мероприятий, призванных продемонстрировать международной общественности успехи молодой советской науки, а советским гражданам – ее растущее признание за рубежом. В первую очередь это относится к сообщениям центральной печати о выступлениях Гетца на празд-

новании двухсотлетия советской Академии наук [38–42] и о проходившей в 1928 г. в Берлине «неделе советских историков» [43–46]. Также большие совместные проекты, будь то подписанное 15 июня 1929 г. соглашение между архивными ведомствами РСФСР и Пруссии об обмене материалами [8, S. 239] или немецкое издание российских документов внешней политики, приносили обеим сторонам не только научные, но и политические дивиденды. Планы немецкого издания российских документов внешней политики обсуждались О. Гетчем и М. Покровским в ходе «недели советских историков» в Берлине. В 1930 г. было подписано соглашение о переводе на немецкий язык и переиздании в Германии сборников новейших внешнеполитических документов, которые вскоре начали публиковаться в СССР под названием «Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств 1879–1917 гг.». Реализация этого проекта продолжалась и после прихода Гитлера к власти вплоть до начала Второй мировой войны.

Однако обилие контактов и совместных мероприятий историков двух стран само по себе не создавало гарантий прироста взаимопонимания на теоретико-методологическом и концептуальном уровнях. Разворачивавшаяся в 1920-е гг. в СССР «большевизация» исторической науки делала такой прогресс просто невозможным. Более того, в ситуации, когда многие представители старой школы российской исторической науки оказались в вынужденной эмиграции, а оставшиеся в стране уже подвергались репрессиям, разрыв сотрудничества со столь же «классово чуждыми» немецкими историками оставался лишь делом времени¹. Уже накануне «великого перелома» в СССР прежние хвалебные отзывы советской печати о немецких историках звучали явным анахронизмом, а недавно звучавшие в ней мысли об интернациональном характере науки и необходимости усвоения опыта западных коллег были абсолютно исключены [48; 49]. Даже торжественная встреча советских и немецких историков в Берлине будет представляться по горячим следам если не «вылазкой» в стан классового врага, то всего лишь «перемирием» с ним [50].

Таким образом, к началу 1930-х гг. культивировавшийся в СССР дух враждебности к «империалистическому окружению» одинаково окрасил сообщения о плачевном состоянии исторических исследований в Германии и в любой другой стране Запада.

¹ Например, ветерану российско-немецкого диалога историков медиевисту Д. Н. Егорову, проходившему по так называемому делу академика Платонова, инкриминировались среди прочего связи с иностранцами и шпионаж, причем следствие особо интересовало его немецкие знакомства. В ноябре 1931 г. Егоров умер от сердечного приступа в ссылке в г. Ташкенте [47, с. 38].

Этому духу вполне соответствовало, например, указание Н. Л. Рубинштейна на то, что «дружественная позиция» некоторых немецких ученых, таких как О. Хетч или К. Штелин, в отношении страны Советов является «не более чем позицией *буржуазных* историков», отнюдь не исключающей принципиальной враждебности делу социализма [51, с. 141]. Обосновывая свой тезис, Рубинштейн ссылаясь, в частности, на критические замечания Хетча о схематичном, упрощенном и доктринерском характере концепции Покровского. Стоит заметить, что несколько позже уже сама советская историография начнет адресовать Покровскому те же упреки и, более того, критиковать некоторых немецких авторов за приверженность его историческим схемам [52]. Но еще более примечательно то, что именно в те дни, когда Рубинштейн своими разоблачениями неизбывной враждебности «остфоршунга» по сути ставил точку в немецко-русском диалоге историков, в Германии пришел к власти национал-социализм, который действительно надолго пресечет любые дружественные высказывания немецких авторов о Советском Союзе. Равным образом и в СССР комплиментарные высказывания в адрес немецких коллег стали недопустимы. Подобная тенденция, нараставшая по мере усиления классового подхода в советской историографии, еще более утвердилась в связи с более чем серьезными основаниями – утверждением национал-социалистического режима в Германии. Таким образом, к середине 1930-х гг. произошла радикальная корректировка сложившихся стереотипов восприятия России и Германии в историографии обеих стран, которая, встав на путь окончательной идеологизации, превратилась в орудие политической пропаганды и идеологической манипуляции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чечулин Н. Д. Новые труды по древней русской картографии (рец. на кн.: Michow H. Das erste Jahrhundert russischer Kartographie. 1525–1631. – Hamburg, 1906) / Н. Д. Чечулин // Журнал Министерства народного просвещения (далее – ЖМНП). – 1906. – Сентябрь. – С. 208–219.
2. Dukmeyer F. Korb's Diarium in Moskoviam und Quellen / F. Dukmeyer // Вестник Европы. Журнал истории, политики, литературы. – 1909. – Ноябрь. – С. 415.
3. Кизеветтер А. А. Рец. на кн.: Schiemann, Geschichte Russlands, Bd. 3 / А. А. Кизеветтер // Голос минувшего. – 1913. – № 9. – С. 295–299.
4. Владимирский-Буданов М. Ф. Рец. на кн.: Goetz. Das Russische Recht. Bd. I, 1910 / М. Ф. Владимирский-Буданов // Университетские известия Киевского университета. – 1911. – № 3. – С. 1–24.
5. Владимирский-Буданов М. Ф. Рец. на кн.: Goetz. Das Russische Recht / М. Ф. Владимирский-Буданов // Русская Правда. – Киев, 1914. – С. 1–24 с.

6. Флоровский А. В. Новый взгляд на происхождение Русской правды / А. В. Флоровский. – Одесса, 1912. – 28 с.
7. Филиппов А. Н. «Русская правда» в исследованиях немецкого ученого / А. Н. Филиппов // Юридический вестник. Издание Московского юридического общества. – 1914. – № 6 (2). – С. 164–216.
8. Voigt G. Russland in der deutschen Geschichtsschreibung: 1843–1945 / G. Voigt. – Berlin, 1994. – S. 136–145.
9. Schlesinger L. Russland im XX. Jh. / L. Schlesinger // Вестник Европы. – 1909. – Апрель. – С. 793.
10. Л. С. Рец. на кн.: Wirth-Knudsen K. A. Bauernfrage und Agrarreform in Russland. München und Leipzig, 1913 / Л. С. // Вестник Европы. – 1913. – Декабрь. – С. 452.
11. Мочульский В. Н. Рец. на кн.: Ein Beitrag zu den Forschungen über die sogenannte «Беседа трех Святителей» von R. Nachtigal / В. Н. Мочульский // ЖМНП. – 1903. – Ноябрь. – С. 206–230.
12. Обзор новейших немецких книг // Вестник Европы. – 1910. – Январь. – С. 427–429.
13. Струве П. Б. Русский шантажист и немецкий патриот / П. Б. Струве // Слово. – 1908. – 27 февр. – С. 183–188.
14. Струве П. Б. Русско-германские отношения / П. Б. Струве // Слово. – 1908. – 5 июня.
15. Любименко Н. Л. Брюссельский интернациональный конгресс исторических наук / Н. Л. Любименко // Анналы. Журнал всеобщей истории, издаваемый Российской академией наук. – 1924. – Т. IV. – С. 219–225.
16. Слонимский Л. Германские ученые и милитаризм / Л. Слонимский // Вестник Европы. – 1914. – Ноябрь. – С. 342–350.
17. Слонимский Л. Немецкая книга о России / Л. Слонимский // Вестник Европы. – 1915. – Апрель. – С. 321.
18. Тарле Е. В. Рец. на кн.: Schiemann Th. Deutschland und die grosse Politik anno 1913 / Е. В. Тарле // Голос минувшего. – 1914. – № 12. – С. 384–391.
19. Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. – М., 1981. – 392 с.
20. Mitrofanov P. P. Offener Brief über das Verhältnis von Russland und Deutschland, mit Vor- und Nachbemerkungen von H. Delbrück / P. P. Mitrofanov // Preussische Jahrbücher. – 1914. – № 156. – S. 385–398.
21. Крыжановский А. С. Вторая отечественная война и долг гражданский / А. С. Крыжановский // ЖМНП. – 1917. – Март–апрель. – С. 31–72.
22. Дебельский Н. Г. Начало национальностей в русском и немецком освещении (аннотация книги: Ruedorfer J. J. Grundzüge der Weltpolitik in der Gegenwart. Stuttgart und Berlin, 1914) / Н. Г. Дебельский // ЖМНП. – 1916. – Февраль. – С. 183–207.
23. К истории немецкого шовинизма // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. – 1916. – Январь. – С. 307–311.
24. Германская военная литература // Исторический вестник. – 1916. – Июль. – С. 260–262.
25. Политическая мысль Германии за последние годы // Исторический вестник. – 1916. – Июль. – С. 256–260.
26. Тарле Е. В. Теодор Шиман / Е. В. Тарле // Дела и дни. Исторический журнал. – 1921. – Книга вторая. – С. 180–198.
27. Готье Ю. В. Последний том книги Теодора Шимана о Николае I (Рец. на кн.: Theodor Schiemann. Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I, Bd. 4) / Ю. В. Готье // Анналы. – 1924. – Т. IV. – С. 262–267.
28. Wulff O. Denkmäler der Ikonenmalerei / O. Wulff, M. V. Alpatov. – Dresden, 1925. – 302 S.
29. О кризисе науки в Германии // Анналы : в 4 т. – 1923. – Т. III. – С. 301–302.
30. Бенешевич В. Н. Положение германской науки / В. Н. Бенешевич // Анналы : в 4 т. – 1924. – Т. IV. – С. 330–333.
31. Лунк А. Общество содействия развитию науки в Германии (1911–1927). Его организация и задачи / А. Лунк // Научный работник. – 1928. – № 3. – С. 68–72.
32. Шмидт-Отт Ф. Общество помощи германской науке / Ф. Шмидт-Отт // Научный работник. – 1928. – № 10. – С. 77–82.
33. Ольденбург С. Ф. Объединение для помощи немецкой науке / С. Ф. Ольденбург // Научное слово. – 1928. – № 4. – С. 96–110.
34. Платонов С. Записка об ученых трудах проф. Ф. Брауна / С. Платонов, С. Крачковский, С. Ольденбург // Известия АН СССР. – 1924. – Серия 6. – № 18. – С. 1517–1520.
35. Измайлова Н. С. Теодор Шиман о предреволюционной России / Н. С. Измайлова // Анналы : в 4 т. – 1923. – Т. III. – С. 273–275.
36. История русской революции // Анналы : в 4 т. – 1924. – Т. IV. – С. 335.
37. Хвостов В. Обзор немецкой литературы о причинах Первой мировой войны / В. Хвостов // Историк-марксист. – 1931. – № 22. – С. 176.
38. Правда. – 1925. – 8 сент.
39. Ленинградская правда. – 1925. – 3 сент.
40. Ленинградская правда. – 1925. – 8 сент.
41. Известия. – 1925. – 8 сент.
42. Иоффе А. К. Зарубежные ученые на праздновании 200-летия Академии наук / А. К. Иоффе // Вопросы истории (далее – ВИ). – 1974. – № 5. – С. 200–203.
43. Известия. – 1928. – 7 июля.
44. Минц И. М. Марксисты на исторической неделе в Берлине и XI Международном конгрессе историков в Норвегии / И. М. Минц // Историк-марксист. – 1928. – № 9. – С. 84–88.
45. Пічэта В. І. Гісторычны тыдзень у Берліне / В. І. Пічэта // Савецкая Беларусь. – 1928. – 31 снежня.
46. W. «Историческая неделя в Берлине» (по письмам из Берлина) // Архивное дело. – 1928. – Вып. 2. – С. 84 (написано предположительно Д. Н. Егоровым).
47. Горяинов А. Н. Русский медиевист Д. Н. Егоров и советско-немецкие научные связи 20-х годов / А. Н. Горяинов // Вопросы истории славян. Сборник научных трудов. – Вып. 11. – Воронеж, 1996. – С. 29–40.
48. От редакции // Анналы : в 4 т. – 1922. – Т. I. – С. 1–4.

49. Каменева О. Д. Два года культурного сближения с границей / О. Д. Каменева. – М., 1925. – С. 3–4.

50. Покровский М. Н. Классовая борьба и идеологический фронт / М. Н. Покровский // Правда. – 1928. – 7 нояб.

Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина

Алленов С. Г., кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник

E-mail: allenov.sg@gmail.com

Тел.: 8-950-770-22-36

Воронежский государственный университет

Алленова В. А., кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории, историографии и документоведения

E-mail: allenova.va@gmail.com

Тел.: 8-950-770-22-36

51. Рубинштейн Н. Л. Иностранная периодика по истории России и СССР. Германия / Н. Л. Рубинштейн // Историк-марксист. – 1933. – № 1. – С. 141–148.

52. Оспос Ю. Рец. на кн.: Kurt Kersten. Peter der Grosse. Vom Wesen und von den Ursachen historischer Größe. Amsterdam, 1935 / Ю. Оспос // Историк-марксист. – 1937. – № 2. – С. 165–167.

Air Force Academy named after Professor N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin

Allenov S. G., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher

E-mail: allenov.sg@gmail.com

Тел.: 8-950-770-22-36

Voronezh State University

Allenova V. A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Contemporary Russian History, Historiography and Documentation

E-mail: allenova.va@gmail.com

Тел.: 8-950-770-22-36